

Б. Н. Ковалев

**ИСПАНЦЫ НА НОВГОРОДЧИНЕ (40-е – 50-е гг. XX в.):
ОТ «ГОЛУБОЙ ДИВИЗИИ»
ДО БОРОВИЧСКОГО ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ**

Российско-испанские отношения, насчитывающие без малого пять столетий, складывались в XX в. очень сложно. Советский Союз, поддержавший испанское республиканское правительство в гражданской войне 1936–1939 гг., послал на Пиренеи сотни своих граждан. В июне 1941 г., с началом войны нацистской Германии против Советского Союза, представители администрации Франко решили «вернуть долг» СССР. Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер сообщил германскому послу в Мадриде Штореру, что «...испанское правительство выражает глубочайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России». Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из числа членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага. 24 июня министр иностранных дел Германии Риббентроп известил своего представителя в Мадриде о том, что «Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирования добровольцев фаланги».¹

Немцы рассчитывали на то, что политика Суньера неизбежно приведет Испанию к войне на стороне III Рейха. Но генерал Франко отлично осознавал, что его страна еще не оправилась после гражданской войны, а испанское общество весьма нестабильно. В этих условиях он решил ограничиться лишь посылкой добровольцев на Восточный фронт. Из них была сформирована так называемая «Голубая дивизия» (по цвету фалангистской униформы) во главе с генералом Муньосом Грандесом.

В ночь с 11 на 12 октября 1941 г. первый батальон испанцев занял свои позиции на передовой. Всего «Голубая дивизия» отвечала за участок фронта протяженностью 50 км в районе Новгорода. Испанский штаб располагался в Григорово.

Советские органы государственной безопасности сразу же заинтересовались новым союзником гитлеровцев. Советская агентура сообщала в Ленинград следующее: «В военном городке вблизи деревни Григорово размещался штаб немецких разведывательных органов, в котором находились Гурский-Мухамедов Олег Константинович, бывший офи-

¹ Цит. по: Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 333.

цер царской армии. Эмигрировал за границу. После разгрома белых банд в 1921–22 г. проживал в г. Прага, Чехословакия, уроженец г. Севастополь, где имел собственное поместье. При формировании добровольческой Голубой дивизии в Испании добровольно вступил в нее офицером-лейтенантом и в таком виде прибыл в Новгород в составе Голубой дивизии, где занимал пост в испанской разведке. Также он работал переводчиком и комендантом военного городка.

Начальником испанской разведки был капитан Мартинес, родом из Барселоны. Кроме того, в Голубой дивизии в разведке находились Константинов Константин Александрович, Старецкий Юрий Александрович. Все они эмигранты, бывшие офицеры, бывшие дворяне». ²

Таким образом, мы видим, что среди солдат «Голубой дивизии» были не только люди, мечтавшие отомстить Советскому Союзу за его помощь республиканцам в годы гражданской войны в Испании, но и русские белоэмигранты, увидевшие возможность взять реванш за поражение в гражданской войне.

У немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. Немцы относились к своим союзникам с нескрываемым презрением. По мнению немцев, в «Голубой дивизии» каждый солдат воевал с гитарой в одной руке и с винтовкой в другой: гитара мешала стрелять, а винтовка – играть. 5 января 1942 г. во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Гитлер заметил: «Нашим солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их». ³

Шеф «Новгородского русского гестапо» Б. А. Филлистинский, после войны проживавший в США и работавший профессором русской литературы и истории в одном из американских университетов, написал достаточно интересные воспоминания о жизни в оккупированном Новгороде.

Так, он описывал поведение испанских солдат в «Святом поозерье»: «Около дотла выгоревшей деревни Воробейки наши дровни остановили испанские солдаты. Двое из них были в разорванных от ворота и до подола немецких шинелях и с винтовками за спинами, висевшими на ремнях штыками вниз. Третий – унтер-офицер – был в валенках – оба на левую ногу: один рыжий, другой белый. Я предъявил удостоверение на двух языках, выданное немецкой и испанской комендатурами. Солдаты взяли его, повертели в руках, передали унтеру, взявшему его кверху ногами и безнадержно махнувшему рукой: все были неграмотны.

– Идем к офицеру.

² Служба регистрации архивных фондов УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 19 344. Материалы о немецких разрушениях и зверствах о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 107–108.

³ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. М., 2004. С. 188.

В двухстах шагах, в единственном уцелевшем домишке, в жарко нагретой горнице сидел за столом испанский поручик. Он был полураздет, перед ним стояли несколько бутылок коньяка и водки, сковорода с недоеденной рыбой и крупно нарезанный лук. Чудесный домашний свежий ржаной хлеб и овсяный кисель, почти нетронутый, придавали пиршеству местный колорит. Вся семья хозяина дома – и сам хозяин с женой, и молоденькие дочери его, и старуха бабка – с раскрасневшимися лицами и мутными глазами сидели за столом. Хозяйский сынишка, парень лет четырнадцать, что есть силы терзал гармонь, а денщик-испанец подыгрывал ему не в тон на гитаре и выл что-то дикое и нечленораздельное. Я предъявил офицеру свой пропуск и свои документы. Он пьяно взглянул на меня и на возницу, и сунул нам в руки объемистые кружки с коньяком:

– Пейте! Пейте, вам говорят! – на документы он и не взглянул.

– Они ничего, испанцы-то, щедрые. Все солдаты ихние на девках наших попереженились. По-православному. И в церкву нашу ходют. А девкам в подарок и коров и свиней подарили. С соседних деревень грабанаули. Хороший народ, подходящий, – объяснял мне заплетающимся языком хозяин дома, помощник волостного старосты». ⁴

Понятно, что в таких условиях все, принадлежащее русским, рассматривалось испанцами как потенциальный трофей. Весьма поучительна судьба второго бургомистра Новгорода Федора Ивановича Морозова, который занимал свой пост чуть больше месяца. 17 декабря 1941 г. он был убит испанским солдатом. Произошло это при следующих обстоятельствах. В городской управе была организована выдача молока служащим управы, детям и беременным женщинам – по литру на человека. За молоко стали приходиться и испанские солдаты, но так как его было мало, отпускалось оно им с большим неудовольствием. На почве этого случались частые недоразумения. В один из дней, когда испанские солдаты вновь пришли за молоком, Морозов находился в сильно нетрезвом состоянии. Недовольный тем, что из-за испанцев сотрудникам управы остается мало молока, бургомистр начал с ними скандалить. Морозов кричал по-русски, а испанцы – на своем родном языке. В ходе этой перепалки бургомистр стал толкаться и спустил солдата «Голубой дивизии» с лестницы. Оскорбленный испанец выхватил пистолет и двумя выстрелами убил Морозова. ⁵

В документах оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг», сотрудники которого производили оценку культурных ценностей, оказавшихся на оккупированной территории нашей страны, таким образом оценивается поведение испанских солдат в Новгороде: «3 марта 1942 года. Церковь Михаила Архангела. Единственная церковь, в которой в большевистские времена проводились богослужения. Испанцы силой ворвались вовнутрь, ограбили ее и разорили <...>

⁴ Филиппов Б. А. Тусклое оконце. Нью-Йорк, 1967. С. 172–173.

⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области (далее – АУФСБ РФ по Новгородской области). Д. 43 689. Л. 60–60 об.

14 марта 1942 года. В Историческом музее и в Музее русского искусства (оба в Кремле) нет больше никаких произведений искусства. Часть строений используется солдатами испанской дивизии для жилья и складов <...>

14 марта 1942 года. Церковь Федора Стратилата на Ручью (Торговая сторона). Построена в 1360 г. <...> Иконостас частично употреблен на топливо испанскими солдатами». ⁶

За время нахождения на новгородской земле дивизия регулярно принимала участие в боевых действиях против Красной армии и понесла большие потери. 23 августа 1942 г. она была снята с Волховского фронта и переброшена на север – в район Вырицы, под Ленинград.

Франкистская пропаганда внушала испанцам, что Советский Союз первым напал на их страну, поддержав в гражданской войне республиканское правительство и направив за Пиренеи не только военную технику, но и многие сотни «добровольцев». Следовательно, как рассуждали многие фалангисты, в 1941 г., после нападения Германии на СССР у них появилась возможность «вернуть должок». Однако после Сталинградской битвы генерал Франко стал думать о возможности отзыва «Голубой дивизии» с Восточного фронта. Делал он это при постоянном давлении на него со стороны англо-американских дипломатов. После успехов Красной Армии в ходе летней кампании 1943 г. в начале октября Франко объявил о переходе Испании от статуса «невоюющей страны» к нейтралитету.

Вывод дивизии с линии фронта начался 12 октября; к 20-м числам она была снята с фронта и временно отведена в район Нарвы, а затем в район Кенигсберга.

При этом экстремистские элементы фаланги повели энергичную агитацию за вербовку добровольцев в «Германский иностранный легион», который должен находиться исключительно под германским командованием. В результате «Голубая дивизия» была расформирована, но в составе вермахта остался «Голубой легион». В «Голубом легионе» было 2500 человек. До конца января 1944 г. легион находился в районе неподалеку от железнодорожной станции Любань, где в ходе начавшегося вскоре наступления Красной Армии был практически стерт с лица земли. ⁷

После этого убежденные испанские антикоммунисты воевали с частями Красной армии на всем протяжении фронта: от Балтийского моря до Черного.

Всего «Голубая дивизия» в России потеряла 3934 человека убитыми, 8466 ранеными, 326 – пропавшими без вести. Факты пленения испанских солдат имели место в разное время под Новгородом, Ленинградом, Красным Бором, Пушкином и другими населенными пунктами Советского Союза. Пленные испанские добровольцы, пройдя пункты для приема пленных в Озерках (Ленинградская область), Ленинграде и др.,

⁶ Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». М., 1998. С. 261, 262, 268.

⁷ Крестовый поход на Россию. С. 348.

направлялись в лагерь: приемо-пересылочный лагерь № 157 г. Бокситогорска, № 158 г. Череповца. Попавшие в плен 10 февраля 1943 г. у Колпино Ленинградской области направлялись в лагерь НКВД № 270 (Новгородская область).

По данным советского военного исследователя В. П. Галицкого, после войны в лагерях СССР находилось 452 военнопленных испанца.⁸

В лагере № 270 (Новгородская область) на 1 января 1950 г. было 240 испанских граждан. Кроме бывших солдат «голубой дивизии», в лагере находились граждане Испании, интернированные Красной армией уже за пределами СССР. И, наконец, там находились убежденные противники генерала Франко – испанские республиканцы. Последние добровольно въехали на территорию СССР во время гражданской войны на территории своей Родины.

Боровичский лагерь военнопленных № 270 был образован на основании приказа НКВД СССР 28 июля 1944 г. В этот день фронтовой приемо-пересылочный лагерь № 270, созданный 14 июля 1942 г., был преобразован в стационарный лагерь. 30 декабря 1944 г. управление лагеря передислоцируется из деревни Егла в город Боровичи. В июне 1949 г. на основании приказа МВД СССР № 00604 лагерь был реорганизован в режимный с лимитной численностью в 3100 человек военнопленных.⁹

В лагере находились лица различных национальностей. Среди них были немцы, австрийцы, венгры, румыны, поляки и даже американцы.¹⁰

К моменту реорганизации лагеря в режимный – к июню 1949 г. – в его составе находилось три лагерных отделения: № 1 – в поселке Устье, № 3 – в городе Боровичи и № 16 – в Опочно.¹¹

Со всеми военнопленными регулярно проводились различные пропагандистские мероприятия. Об антифашистской работе среди военнопленных, в том числе испанцев, свидетельствуют планы, которые регулярно получал начальник управления МВД по Новгородской области.

Так, в плане работы на март–апрель 1950 г. значились следующие мероприятия:

А) Оборудовать клуб, оформив его наглядной агитацией на испанском языке.

Б) Оформить наглядной агитацией жилые помещения и создать в каждом из них уголки культурного отдыха.

В) Оборудовать помещение для библиотеки и комнаты-читальни.

Г) Оборудовать доску показателей социалистического соревнования.¹²

Перед лагерным контингентом должны были регулярно проводиться лекции на следующие темы: «Советская избирательная система – самая демократическая в мире», «СССР в авангарде борьбы за мир», «Провал

⁸ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.). // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46.

⁹ Архив УВД по Новгородской области (далее – АУВД по Новгородской области). Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 4.

¹⁰ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 236. Л. 144.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 67.

„плана Маршалла” в странах Западной Европы», «Испанские патриоты в борьбе с франкистским режимом», «Как советский народ построил социализм», «Страны народной демократии на пути к построению социализма».¹³

Среди военнопленных предполагалось сформировать актив и через него организовать работу политкружков, разработав тематику занятий. Политкружки должны были собираться раз в неделю на два часа. Три раза в неделю предлагалось проводить политинформации.¹⁴

С активом было нужно собрать совещание по вопросам:

А) О формах и методах работы;
Б) Задачи актива по организации трудового соревнования среди военнопленных;

В) Задачи актива в укреплении внутрилагерного распорядка.¹⁵

В газетах и журналах было необходимо подбирать наиболее актуальные политические статьи и организовывать групповые читки.

Как видно, идеологическая обработка военнопленных и интернированных являлась важной составной частью работы с ними. При этом определенное внимание уделялось и повышению их культурного уровня. Так, в одном из пунктов плана предлагалось: избрать редколлегии и организовать выпуск стенгазет, создать кружок художественной самодеятельности и подготовить несколько концертов, организовать демонстрацию кинофильмов согласно графику политотдела, подготовить и провести литературные вечера, посвященные классике испанской литературы Сервантесу и творчеству испанского писателя-патриота Федерико Гарсиа Лорка.¹⁶

Но далеко не всегда хорошо выстроенная система советской пропаганды давала позитивные результаты. Как уже отмечалось выше, в Боровичском лагере военнопленных находились не только люди, воевавшие с Красной армией. Были среди них и бывшие республиканцы, приехавшие в конце 30-х гг. получать в СССР специализированное военное образование. Они стали летчиками и танкистами, но не успели вернуться домой. В гражданской войне в Испании победил генерал Франко. Не все из них захотели принять советское гражданство. Некоторые стали просить отправить их в другие страны, например, в Мексику или Францию. Эта просьба советским руководством удовлетворена не была. После начала Великой Отечественной войны этих республиканцев интернировали. Позднее они заняли места на нарах рядом со своими бывшими врагами по гражданской войне: фашистами и фаalangистами.

Советская пропаганда всячески доказывала мировой общественности, что испанских республиканцев в советских лагерях нет. В апреле 1950 г. руководству лагеря стало известно, что еще зимой кто-то из немецких солдат принес испанцам журнал «Новое время». Этот журнал

¹³ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 67–68.

¹⁴ Там же. Л. 68.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

выходил в СССР, в том числе и на немецком языке. В номере от 18 августа 1948 г. под рубрикой «против дезинформации и клеветы» была помещена статья М. Миклашевского «Бесстыдство врагов испанского народа». ¹⁷ В этой публикации автор утверждал следующее: «5 августа 5 испанских республиканцев, вырвавшихся из франкистской каторги, тайно перешли границу, надеясь найти приют во Франции. В конституции этой страны записано право убежища на французской земле для жертв фашизма. Но Францией управляет сейчас американская партия. Обержандарм Жюль Мок, ¹⁸ социалистический министр внутренних дел, дал приказ: вернуть беглецов в руки фашистской полиции Франко <...>

Однако пресса „американской партии“ замолчала этот вопиющий факт. Страницы этой продажной прессы заняты другим – инсинуациями по адресу Советского Союза. Кампания против нашей страны, очевидно, включена в программу французского правительства согласно с планом Маршалла. В качестве одного из поводов к таким инсинуациям, для отвлечения внимания общественности о действиях палача Мока и от всей антинародной авантюристической политики правительства, эта пресса раздувает несуществующий „вопрос о заключении в Советском Союзе испанских республиканцев“.

Действительность как небо от земли далека от всей этой злобной дезинформации <...> В 1937–38 гг. неоднократно приезжали по служебным делам испанские республиканцы. Советское правительство, разумеется, и не подумало выслать этих республиканцев и отдать их на растерзание фалангистским разбойникам <...>

Сейчас, как и раньше, все испанские республиканцы в Советском Союзе находятся на свободе. В свое время им было предоставлено право выезда из Советского Союза, но подавляющее большинство из них не захотело уехать из страны, правительство и народ которой от чистого сердца дали им приют и оказали всестороннюю помощь. В Советском Союзе, ставшим для них второй родиной, ни одному испанскому республиканцу не грозят ни нищета, ни безработица, на которые обречены тысячи людей, бежавших от франкистских тюремщиков в другие страны <...>

Те из испанских республиканцев, которые по семейным или другим причинам захотели бы выехать из Советского Союза, могут беспрепятственно это сделать в любое время, как только получают разрешение на въезд от правительства тех стран, куда они изъявляют желание переехать...».¹⁹

¹⁷ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 235. Л. 63.

¹⁸ Мок Жюль Сальвадор (1893, Париж – 1985, там же), французский политический и государственный деятель. Юношей вступил в Социалистическую партию и вскоре выдвинулся в число ее лидеров и признанных теоретиков. Во время 2-й мировой войны служил в военно-морском флоте, в Национальном собрании голосовал против передачи власти маршалу Ф. Петену, а в 1943 г. присоединился к вооруженным силам Свободной Франции, возглавлявшимся Ш. де Голлем. В 1944 г. – член Консультативной ассамблеи Свободной Франции (Лондон). Вернувшись в 1945 г. во Францию, был членом Национального собрания, занимал (до 1951) ряд министерских постов – общественных работ, транспорта, внутренних дел и обороны, а также был заместителем премьер-министра.

¹⁹ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 237. Л. 64–65.

Этот официальный советский журнал по сути своей полностью подрывал всю систему пропаганды, которая велась среди испанских заключенных. Последние отлично знали, где на самом деле находится испанские республиканцы, отказавшиеся принять советское гражданство.

Паскуаль Пастор-Хустон, 1915 года рождения, служил в республиканской армии с 1933 по 1938 г. в звании старшины. В 1938 г. прибыл в СССР учиться в авиационной школе. Там он пробыл до конца 1939 г., откуда ЦК МОПР был направлен в дом отдыха под Москвой. 15 июня 1941 г. как иностранец был интернирован. В лагере № 270 он находился с 7 октября 1949 г.

В постановлении на арест говорилось следующее: «Пастор-Хустон за время пребывания в лагерях МВД СССР показал себя врагом по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии.

Находясь во втором лагерном отделении УМВД Новгородской области с 16 июля 1951 г., он совместно с интернированными Вильянуэво-Флорес и Ромеро-Коррейра систематически проводит враждебную деятельность, направленную против Советского Союза. Призывает военнопленных испанцев к организованному неподчинению администрации лагерного отделения, к массовому отказу от выхода на работу.

Собирает вокруг себя реакционно-настроенных военнопленных испанцев и убеждает их, что только общими силами в борьбе против русских можно добиться репатриации на родину в Испанию».²⁰

Итак, перед нами человек, который никогда с оружием в руках не воевал против Советского Союза. Свободно владея русским языком, он сам рассказывает следователю о своей жизни в Советском Союзе: «По соглашению испанского республиканского правительства с правительством СССР я прибыл в группе из 84 человек для поступления в Кировобадскую военно-воздушную школу. Там меня готовили в качестве летчика для республиканской армии.

В 1939 г. Франко победил, и необходимость в военных кадрах отпала. В начале сентября 1939 г. меня вместе с теми испанцами, которые не пожелали остаться в Советском Союзе на постоянное место жительства, перевели в дом отдыха под Москвой. Там мы ожидали отправки в Мексику, так как там находилось республиканское правительство в изгнании.

25 июня 1941 г. мне в числе других испанцев, находившихся в доме отдыха, было объявлено, что отправить нас в Мексику невозможно из-за начавшейся войны, поэтому мы подлежим интернированию. После этого я со своими товарищами содержался в тюрьмах Новосибирска и Красноярска.

В октябре 1942 г. я вместе с другими интернированными испанцами был переведен в лагерь № 39, в Караганду. Там я работал столяром и плотником.

В июне 1948 г. я вместе с другими интернированными испанцами был переведен в Одесский лагерь военнопленных, где пробыл до мая 1949 г. При отправлении из Караганды нам объявили, что нас везут

²⁰ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9214. Л. 6.

в Одессу для дальнейшей отправки на родину. Однако вместо депортации в Испанию я был отправлен в город Череповец, а затем в лагерь № 270 в Боровичи».²¹

Паскуаль Пастор-Хустон признал, что ему несколько раз предлагалось принять советское гражданство. Первый раз – еще в 1939 г., затем в 1948. Это означало бы немедленное освобождение из лагеря: «Мне было хорошо известно, что испанцы, которые дали свое согласие остаться в Советском Союзе, были устроены на работу и жили хорошо. Но независимо от этого, я оставаться в СССР не захотел».²²

Как видно из его рассказа, из 200 человек испанцев, обучавшихся вместе с ним на одном курсе в летной школе, советское гражданство приняли почти 170. От этого отказались не больше 25. Никого из них нельзя было назвать противником советской власти, более того, они сражались против фашизма с оружием в руках в годы гражданской войны в Испании. Почти все они были членами левых партий – коммунистами и социалистами. Возникает вопрос: почему же они так стремились уехать из СССР? Обратимся снова к показаниям Пастор-Хустона: «В Советском Союзе я не остался изначально потому, что считал, что я должен находиться там, где находится мое республиканское правительство. Потом, когда этого правительства не стало, для меня, после пребывания более 10 лет в лагерях за проволокой, осталось только одно желание: попасть в любую страну, лишь бы я мог знать о своей матери и отце».²³

Практически то же самое заявил и его товарищ по несчастью, бывший комиссар бронепоезда республиканской армии Хозе Сесарио Ромеро-Коррейра: «Когда мне предлагали остаться в СССР, мне давали 1000 рублей, одевали и обещали отправить в Крым, где я должен был устроиться на работу. Но я не желал остаться в Советском Союзе, так как очень хочу уехать к своим родным».²⁴

Уникальность ситуации, сложившейся в Боровичском лагере, заключалась в том, что активное сопротивление среди испанских граждан, направленное на их возвращение на родину, возглавили бывшие коммунисты и социалисты. Они смогли организовать своих бывших политических и военных противников. В этой борьбе использовались различные методы: голодовки, забастовки, письма протеста. Об этом говорят следующие показания одного из военнопленных: «Со времени соединения интернированных вместе с нами они проводят агитационную работу среди испанских военнопленных для того, чтобы добиться своей цели.

Раньше дисциплина среди испанских военнопленных была хорошей, они не нарушали лагерный режим, ходили на все работы. Но как только к нам прибыли интернированные, тогда военнопленные быстро сменили свои взгляды.

Впервые я встретился с интернированными на футбольном матче среди военнопленных. Я был вместе со своими друзьями. Когда интер-

²¹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9214. Л. 14–15.

²² Там же. Л. 16.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ Там же. Л. 36.

нированные увидели, что мы надежные люди, они посоветовали нам поднять над бараком испанский флаг и таким образом начать борьбу за свое освобождение.

За отказ выйти на работу интернированные были помещены в карцер. Там они объявили голодовку. Когда они очень сильно физически ослабли, их перевели в лазарет, где их стали кормить насильственно». ²⁵

Если верить показаниям бывших солдат «Голубой дивизии», то организаторами акций неповиновения в лагере выступили их бывшие противники по гражданской войне: «Я лично спросил у Пастора, готов ли он помогать нам? Пастор ответил: „Мы, интернированные, готовы помогать вам. Но вы должны выполнять наши указания и стойко держаться”». ²⁶

В традициях политзаключенных такая форма борьбы, как голодовка. Испанские коммунисты это хорошо знали: «Когда в третьем лагерном отделении началась голодовка, в первый день в ней принимали участие 40 человек. Я спросил у военнопленного Саламанка: „Что вы, сорок человек, можете сделать?”. Саламанка ответил, что по плану будет голодать гораздо больше, „главное, чтобы русские не заметили, что интернированные руководят нами”.

На второй день я беседовал с Родригесом, который заявил мне, что он гордится тем, что принимает участие в голодовке и, что все, кто любит Испанию и свою мать, должны принять участие в голодовке <...>

Когда голодовка началась, Родригес лежал в лазарете вместе с Мануэлем Лозано. Лозано также отказывался принимать пищу, он от этого сильно заболел. Когда врач спросил его, зачем он это делает, Лозано ответил, что лучше умереть, чем жить как рабы». ²⁷

Во время массовой голодовки для переговоров с администрацией лагеря была отправлена специальная делегация. Понятно, что администрация лагеря в этом вопросе ничего не решала. Вопросы о пребывании испанцев в Советском Союзе решались на самом высшем уровне. Поэтому репрессии против зачинщиков последовали не сразу. Это вызвало у участников голодовки некоторую надежду на то, что они избрали правильный путь борьбы за свое освобождение. Один из переговорщиков, Хозе Рамирес, после встречи с руководством лагеря заявил в бараке: «Надо порядок, нужна организованность. Без организованности мы не добьемся никакого результата». ²⁸

После этого последовал отчет о встрече с советским полковником. Было принято решение продолжать голодовку до окончательной победы.

Массовая голодовка в октябре 1951 г. не привела к результатам, на которые рассчитывали испанцы. Организаторы были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Паскуаль Пастор-Хустон воен-

²⁵ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9214. Л. 188.

²⁶ Там же. Л. 189.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

ным трибуналом войск МГБ Новгородской области был приговорен к десяти годам лишения свободы. Свой приговор он обжаловать отказался.²⁹

Трудно сказать, что сыграло решающую роль – советская пропаганда или просто желание выйти из лагеря, но очень многие испанские военнопленные в начале 50-х гг. подали прошения о предоставлении им советского гражданства. Каждое такое заявление рассматривалось и по нему давалось соответствующее заключение. Так, 16 февраля 1950 г. начальником Управления МВД по Новгородской области было рассмотрено заявление военнопленного Антонио Алмендроса, 1919 года рождения. Из его биографической справки видно, что он был членом социал-демократической партии, в 16 лет добровольно вступил в республиканскую армию. В 1938 г. был взят в плен франкистами и находился в их лагерях до марта 1940 г. Выйдя на свободу, Антонио несколько месяцев проработал в хозяйстве своих родителей. В 1941 г. его вновь призвали в армию – на этот раз франкистскую. В апреле 1942 г. оказался в «Голубой дивизии», был пленен Красной армией зимой 1943 г.³⁰

Пробыв в советском плену почти семь лет, Алмендрос подал заявление с просьбой освободить его из лагеря и разрешить проживать на территории СССР, пока в Испании у власти находится Франко.³¹ По имевшимся у руководства лагеря сведениям, он это сделал от отчаяния, считая, что его никогда не отпустят домой. Однако при этом было принято решение Алмендроса из лагеря освободить.

Его сослуживец Рехино Эрнандес, бывший коммунист, бывший солдат республиканской армии, также прошел через франкистский лагерь, был выпущен на свободу, прозван в армию и оказался в России. Он также подал заявление с просьбой оставить его в СССР.³²

Не все заявления военнопленных, просивших предоставить им убежище в СССР, удовлетворялись. Сотер Гарсия, 1918 года рождения, бывший батрак, перешедший на сторону Красной армии добровольно, получил отказ. Из его справки следует, что: «Будучи безработным, он в 1941 г. со своими товарищами занимался спекуляцией сельскохозяйственной продукции. С целью этого регулярно нелегально переходил испано-португальскую границу. В это же время он с целью грабежа принимал участие в убийстве одного зажиточного крестьянина и его семьи. Желая избежать преследования полиции, переехал в город Кадис. Там он проживал по подложным документам на имя Франциско Континенто и пытался нелегально на пароходе выехать в Америку. Это ему сделать не удалось, и он в апреле 1943 г. добровольно поступил в „Голубую дивизию“. Осенью 1943 г. из состава „Голубой дивизии“ был сформирован „Испанский легион“. В нем Гарсия получил место личного шофера командира Легиона, полковника Антонио Гарсия Наварро, бывшего начальника штаба „Голубой дивизии“. 27 декабря того же года Сотер Гар-

²⁹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9214. Л. 358.

³⁰ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 237. Л. 34–35.

³¹ Там же. Л. 35.

³² Там же. Л. 37.

сия вместе со своими двумя товарищами перешел линию фронта около города Волхов и сдался в плен. Его продержали шесть месяцев в Бутырской тюрьме, а потом отправили в лагерь военнопленных. Согласно показаниям свидетелей, за время нахождения в лагере Гарсия показал себя как „симулянт и дезорганизатор производства, который неоднократно в разных выражениях высказывал свое неудовольствие по поводу пребывания в лагере, а также делал враждебные высказывания по адресу Советского Союза”». ³³ На основании вышесказанного было принято решение оставить Сотеро Гарсия в режимном лагере. ³⁴

Некоторые военнопленные говорили своим товарищам о том, что «...русские собирают заявления не для того, чтобы освободить из лагеря, а для того, чтобы показать общественному мнению всего мира, что испанцы не желают уезжать из СССР». ³⁵ Их слова оказались правдой. В конечном счете, никто из военнопленных, подавших заявления с просьбой о предоставлении ему советского гражданства, из лагеря освобожден не был.

Советская пропаганда к началу 50-х гг. в основном исчерпала лимит доверия у испанских военнопленных и интернированных. Этим людям на протяжении почти десяти лет давались различные обещания, и практически не одно из них выполнено не было. В этих условиях рождались разного рода слухи, распространение которых интерпретировалось советской стороной как преступление. Так, некоторые интернированные и военнопленные «высказывали надежду на освобождение после будущей войны между СССР и Америкой». ³⁶

В архиве Новгородского Управления ФСБ находится несколько десятков дел на испанских военнопленных. Характер совершенных ими преступлений разный, но большинство из них связаны с попытками побегов и нарушением внутрилагерной дисциплины.

Так, 23 апреля 1951 г. был арестован военнопленный Анхел Хулио Саламанка, 1919 года рождения. Согласно биографической справке, он родился в деревне Торрихос около Толедо. Образование шесть классов. Вступил в фалангистскую партию в 1936 г. Неоднократно награждался испанским правительством Франко: железным крестом, двумя красными крестами, медалью похода за военные заслуги. Попал в плен 10 февраля 1943 г. около деревни Красный Бор, Новгородской области. ³⁷

Саламанка обвинялся в том, что он «Организовал вокруг себя реакционно-фашистскую настроенную группу из военнопленных бывших солдат 250 „Голубой” дивизии немецкой армии – Пестанья Гумерсандо, Гонсалес Сантос, Мораль Мануель и других и систематически среди военнопленных испанцев проводил враждебную работу, направленную на нарушение внутрилагерного режима, к отказу от работы, к групповому

³³ АУВД по Новгородской области. Ф. 74. Оп. 1. Д. 237. Л. 100.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 167.

³⁶ Там же. Д. 1214. Л. 157.

³⁷ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 25.

отказу от приема пищи и невыполнение приказаний командования лагеря».³⁸

Спротивление военнопленных принимало разные формы. Так, 28 марта 1951 г. Саламанка вместе со своими товарищами «...В бараке № 5 проводил совещание по подготовке к групповому отказу от приема пищи. Аналогичное совещание было им проведено 1 апреля 1951 года».³⁹

Акция продолжалась больше недели: «4 апреля Саламанка давал распоряжения военнопленному Марио Антонио, чтобы последний организовал групповой отказ от приема пищи военнопленных испанцев, содержащихся в 4-м бараке зоны 3 лаготделения, а групповой отказ от приема пищи военнопленных, содержащихся в 5-м бараке, Саламанка взялся организовывать лично.

5 апреля группа военнопленных испанцев в количестве 43 человек отказались принимать пищу.

8 апреля дополнительно отказались от приема пищи 163 человека».⁴⁰

Постановление на арест констатировало, что «таким образом, в течение восьми дней не принимали пищу 206 человек военнопленных испанцев. Кроме этого, отказавшиеся от приема пищи, седьмого апреля с. г. совершили нападение на карцер, сломали окно и решетку в карцере, освободили содержащихся в карцере военнопленных, нарушавших внутрилагерный режим и отказавшихся от приема пищи, пытались совершить нападение на проходную будку зоны лагерного отделения с целью побега из лагеря».⁴¹

Анхел Саламанка всегда позиционировал себя как убежденный антикоммунист. В его характеристике отмечается, что он «на всем протяжении его пребывания в лагерях для военнопленных проводил среди испанских военнопленных профашистскую агитацию, за что неоднократно привлекался к дисциплинарным взысканиям.

В лагере № 158 он избил военнопленного антифашиста Педро Гарсия за то, что последний проклинал режим Франко. При этом Саламанка говорил другим военнопленным: «...Надо убивать всех, которые говорят против вождя моего государства».

Кроме того он систематически саботировал распоряжения лагерной администрации о проведении среди испанских военнопленных различных мероприятий по антифашистской работе, а именно: 21 января 1948 года по случаю 24-й годовщины со дня смерти Ленина, он, с целью совершить насмешку в отношении вождя прогрессивного человечества, вместе со своими друзьями Гонсалесом, Кинтелло и другими организовал пьянку, во время которой пели различные фашистские песни <...>

И в других лагерях Саламанка неоднократно организовывал коллективные голодовки испанских военнопленных с целью добиться их осво-

³⁸ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 25.

³⁹ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 26.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

бождения из карцера в тех случаях, когда последние водворялись в карцер за нарушение лагерного режима».⁴²

Стремление вернуться домой любой ценой не оставляло большинство военнопленных испанцев ни на минуту. Иногда это приводило к трагифарсовым ситуациям. Так Антонио Гомес, 1924 года рождения, уроженец деревни Алатоз, провинции Алвасете, попал в плен в сентябре 1944 года в Румынии. За время нахождения в плену сделал карьеру — стал бригадиром. Он получил право свободно передвигаться вне лагеря. Но мечта обрести подлинную свободу оказалась сильнее чувства логики.

В постановлении о возбуждении уголовного дела говорится следующее: «Гомес, будучи бригадиром, на подкомандировке в районе деревни Велачево, Боровического района, с заранее задуманной целью 18 июня 1950 г. у жительницы данной деревни Ниловой Александры Федоровны похитил из кладовой велосипед. Последний был использован им в совершенном побеге. Таким образом, он совершил преступление, предусмотренное ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета от 4 июня 1947 года „Об усилении охраны личной собственности граждан“».⁴³

Показания Гомеса о неудавшемся побеге вызывают противоречивые чувства. Здесь одновременно может быть и удивление, и смех, и определенное уважение к этому человеку, который ради свободы совершил этот почти безумный поступок: «Я в качестве бригадира находился на лесозаготовках с 7 мая 1950 года. Через несколько дней я у гражданина этой деревни, фамилии которого не знаю, увидел велосипед и решил при первой возможности украсть его и совершить побег. Сделать это свободно я мог потому, что ходил по деревне свободно, без конвоя».⁴⁴

Взаимоотношения между военнопленными и охраной выстраивались в духе деревенской пасторали: «Мы жили все в одном доме. Наша охрана жила напротив через улицу, в другом доме. Мы часто свободно ходили по деревне, в магазин за покупками и играть в футбол. Так военнопленные проводили время часов до 10 вечера, конвоиры в это время ходили с девушками по деревне.

Русский офицер, руководивший нами, проживал в деревне Петухово. К нам он приходил только тогда, когда мы работали в лесу, а когда мы находились дома, он нас не проверял.

Один раз военнопленный Веласко Франциско с вахтером из охраны пришли сильно выпившие. Водку они вместе распивали в магазине».⁴⁵

Несмотря на всю эту «идиллию», Гомес думает о побеге: «Для ориентировки я избрал путь следования на город Ленинград. Для этого, зная, что у военнопленных Гарсиа Хуан и Гарсио Энрике имеется карта Советского Союза, я за несколько дней до побега попросил их показать

⁴² АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9230. Л. 231.

⁴³ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9235. Л. 20.

⁴⁴ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9235. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Л. 25.

мне ее. Но ориентироваться по ней было невозможно, так как у этой карты был очень маленький масштаб.

12 июня 1950 года утром, приблизительно в 6 часов 30 минут я встал, побрился и, имея при себе 75 рублей денег, полученных накануне, решил совершить побег. Об этом я никому ничего не говорил.

Первым делом я пошел на квартиру человеку, у которого я ранее видел велосипед. Когда я пришел туда, дома находился только мальчик лет 12, которому я сказал, что пришел ремонтировать велосипед. Мальчик открыл замок с двери кладовки. Я вывел велосипед со двора, сел на него и поехал по направлению к деревне Петухово. Когда я проезжал по деревне, я услышал, что мне кричит что-то военнопленный Корсано, но я ему ничего не ответил и продолжал ехать дальше.

Продвижение мое на Ленинград было по следующему маршруту: деревни Петухово, Волгино, Быково, Кончанское, Любытино, Б. Заборовье, Зайково, Б. Вишера, Окзола, Гряды, Дубцы и Волхов, где при переходе через реку на мосту я был задержан охраной и под конвоем доставлен в город Чудово». ⁴⁶

Про свое неудавшееся путешествие из Боровичей в Мадрид Гомес рассказал следователю следующее: «Ехал я все время до станции Большая Вишера проселочными дорогами и тропами, а после продвигался вдоль железной дороги до станции Волхов.

В пути следования в магазине деревни Кончанское я купил себе маргарин, хлеб и папиросы.

Первую ночь в пути я ночевал в сарае на окраине какой-то деревни. Вторую ночь я встретил приблизительно в 10 километрах от Любытино, я ночевал в поле у костра, так как не мог найти никакой деревни из-за темноты.

Проезжая через населенные пункты, я никуда не заходил и при встречах вопросы никому не задавал. На окраинах деревень я 3-4 раза покупал молоко. На вопросы, откуда я еду, отвечал, что из города Боровичи еду в Ленинград». ⁴⁷

Габриель Серафим Мартынес, 1923 года рождения, уроженец города Мерес, провинции Астурия, попал в плен 7 ноября 1942 г. под Колпино. В августе 1951 г. задумал вместе со своими друзьями бежать из лагеря. По его словам, дело обстояло так: «18 августа, т. е. в субботу вечером, до отбоя я вместе с военнопленным Альфредо Кареньо ходил по зоне и беседовал. Во время беседы я сказал ему: как долго мы находимся в лагере, поэтому нужно как-то совершить побег. На это Кареньо согласился со мной. Я ему сказал, что лучшим способом сделать побег, это сделать подкоп под зону, потому что грунт здесь подходящий — песок.

Затем мы вдвоем ходили по зоне и искали подходящее место, откуда начать подкоп, и остановились подкоп лучше всего начинать из уборной, т. к. это будет скрыто от посторонних глаз. В субботу мы условились с ним, что на второй день в воскресенье, когда испанцы будут

⁴⁶ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9235. Л. 21-22.

⁴⁷ Там же. Л. 24-25.

на стадионе, во время футбольной игры, мы вдвоем спустимся в уборную и определим, от какой стенки начать рыть подкоп.

В воскресенье мы так и сделали, однако голыми руками у нас ничего не получилось, так как нам предварительно было необходимо проломить стенку в уборной, внизу, где нечистоты, под люком, через который выносят нечистоты.

В понедельник, примерно в 12 часов ночи я и Каренью повторно опустились в уборную, проломил ножом стенку, удалили доски и начали рыть. В эту первую ночь я и Каренью прорыли ножом проход 50 на 60 сантиметров в ширину и 2 метра в длину. Копали поочередно: один копал, а другой выбрасывал землю. В 2 часа ночи мы вышли из уборной, вымылись и легли спать. На следующие дни мы снова копали, укрепляя подземный проход досками, как в шахте». ⁴⁸

Понятно, что побег из лагеря – мероприятие серьезное и опасное. Но что же дальше? Куда пленные испанцы собирались идти, выйдя на столь относительную свободу, за многие сотни километров от своей родины? Из допроса Мартынеса: «Когда я с Каренью договорился о подкопе, мы хотели только того, чтобы выбраться за зону. Для этого мы решили вырыть проход примерно 50-60 метров таким образом, чтобы выход оказался далеко от зоны – в кустах. Уже во время работы мы договорились о наших дальнейших планах. Мы решили, что будем держать направление на Новгород. Двигаться будем пешком или на каком-либо транспорте, а от Новгорода держать направление на польскую границу. Военнопленному Каренью дорога от Новгорода до Польши хорошо знакома, так как во время войны он прошел ее пешком в составе маршевого батальона.

Что касается питания, то мы должны были иметь запас хлеба и сахара на 2-3 дня. Для этого мы намеревались в день, когда должны были бежать, занять у своих товарищей хлеб и сахар под предлогом якобы, что через 2-3 дня мы им все возвратим.

Для определения частей света (юг и север), мы намеревались сделать простой компас: намагнитить кусок стальной проволоки, гвоздь и подвесить на ниточке.

Затем, после перехода польской границы, решили мы, каждый будет двигаться в желаемом направлении: кто на Испанию, кто на Францию, т. е. кто куда пожелает.

В дороге мы намеревались питаться, главным образом, подачками, просить милостыню у жителей малых населенных пунктов, преимущественно расположенных в глухих местах. От лагеря до Новгорода мы намеревались двигаться лесом вдоль речки, которая протекает и здесь». ⁴⁹

По воспоминаниям многих бывших заключенных Боровичского лагеря, жили они в советском плену впроголодь. При этом им часто завидовали рядовые советские люди – многие после войны не имели и той малости, которую получали военнопленные. За хорошую работу испан-

⁴⁸ АУФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/9225. Л. 60.

⁴⁹ Там же. Л. 61.

цы могли получать талоны, которые давали им право приобретения водки или табачных изделий.

Однако нельзя считать, что испанские военнопленные находились на каком-либо привилегированном положении. Так, В. Г. Сидоров отмечает, что практически весь послевоенный период испанские военнопленные не имели переписки с родственниками. При этом таким правом пользовались военнопленные немцы, австрийцы, венгры, румыны, итальянцы и японцы. Только лишь Инструкция от 24 июля 1953 г. (приказ МВД СССР № 00576) разрешила переписку военнопленным всех национальностей, но только с близкими родственниками, указанными в личном деле осужденного.⁵⁰

Сложно не понять чувства людей, которые в 20-25 лет оказались в советском плену, провели в нем почти 10 лет и, самое главное, не могли добиться ответа от руководства лагеря: когда же ихпустят домой. При этом они видели, как пустеют лагеря, как эшелоны с немцами, румынами, венграми идут на запад. И даже определенные послабления в содержании не могли компенсировать мечту о родном доме.

Проблема с испанскими гражданами стала решаться только после смерти И. Сталина. При посредничестве французского «красного креста» репатриированные испанские военнопленные были отправлены на пароходе «Семирамис» из Одессы в Испанию. Это произошло почти через девять лет после окончания Великой Отечественной войны – 26 марта 1954 г.

⁵⁰ Сидоров В. Г. Военнопленные и интернированные в СССР, 1939–1956 гг.: связь с Родиной // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, Философия. Вып. 3. Волгоград, 1998. С. 40.